

Аукара

Однажды вечером молодая девушка из Прибрежного племени пришла к морю. Пылающий шар солнца уже катился по водной глади, расцвечивая все вокруг, но ее совсем не трогали краски великолепного заката — она лишь тоскливо вглядывалась в бескрайние морские просторы. Однако пусто, пусто было на горизонте — так же, как пусто было у нее на душе. Сменилось уже много лун с тех пор, как ее возлюбленный на утлой пироге уплыл в дальние края, пообещав раздобыть денег на их свадебный пир.

Все это время она ждала и истово верила, что они обязательно будут вместе. Ведь по-другому и быть не могло, потому что они страстно любили друг друга — любили с самых юных лет. Но ее отец рассудил по-другому. Не далее как вчера он сердито заметил, что ему все это надоело, что надвигается сезон дождей, когда не играют свадеб, поэтому он намерен вскоре просватать ее за другого.

При этих воспоминаниях слезы вновь ручьем хлынули из глаз бедняжки, и она, на миг ослепнув, стала выкрикивать морю и сумрачному небу, что лучше умрет, нежели предаст свою любовь. Как вдруг необычно громкий плеск волны и шум тростника, склонившегося под внезапным порывом ветра, отвлекли ее от горестного исступления. Кое-как проморгавшись от слез, она увидела статную женщину неземной красоты на самой кромке моря.

У той были пепельные вьющиеся волосы и огромные серые глаза, но улыбка почти не озаряла ее лицо, а во взоре проглядывал стальной блеск. По мере того, как незнакомка приближалась, все внимание девушки обратилось на ее диковинное одеяние. Это было именно одеяние, а не простое платье, оно струилось при ходьбе и все было покрыто удивительными рисунками — местами повторяющимися, но вместе с тем удивительно разнообразными. Рисунки были прекрасны, они, казалось, жили своей жизнью, менялись и перетекали. Девушке почему-то пришло в голову, что никому не удалось бы скопировать их.

Приблизившись, незнакомка окинула взором заплаканную девушку и глубоким чарующим голосом поинтересовалась о причине ее слез. Девушка принялась рассказывать о своем горе, и чем дольше она говорила, тем задумчивее делалась прекрасная пришелица. «Ну что же, — проговорила она, наконец, — мне не введома людская любовь, но ты пробудила во мне сострадание, и я помогу тебе. Сейчас как раз подходящее время для этого — полнолуние. Ни о чем пока не спрашивай, а лишь выполни то, что я велю тебе. Завтра пойди в лавку и купи за один раз, не торгуясь и не забирая сдачу, обычную

швейную иглу и семь катушек нитей — всех цветов. Да ни с кем не говори в тот день. А вечером снова приходи к морю».

Назавтра девушка с нетерпением дожидалась свою необычную наставницу у залива, но та все не появлялась. Уже смеркалось, и обманутая (как она думала) девушка вновь была готова разрыдаться, как вдруг услышала, что пичужки в тростнике нежно высвистывают какое-то незнакомое слово. Она прислушалась и неуверенно повторила за птичками: «Ау... кара?». Ей вторил посвист тростника: «Аукара...» Тогда девушка широко раскинула руки и закричала изо всех сил, вторя птицам и тростнику: «Аукара-а-а!!! Аукара-а-а!!!»

И в клубах вечернего тумана вновь увидела ту, кому поверила, сама не зная почему. Аукара, все такая же неулыбчивая, приблизилась и осмотрела нитки, которые принесла девушка. «Знаешь ли, пока это нити твоей несчастливой доли, — сказала она. — Но я научу тебя вышивать, а в вышивке нити можно переплести, украсить и, следовательно, — изменить свою судьбу».

Затем она сняла с пояса два хрустальных флакона. Из одного она закапала девушке в глаза — ведь вышивальщица должна различать десятки оттенков каждого цвета. А из другого флакона она омыла девушке ладони, ибо за работу нужно садиться с чистыми помыслами и с чистыми руками. Потом Аукара оторвала с рукава своего одеяния клочок ткани и велела девушке назавтра вышить этот рисунок. На куске ткани резво бежал по волнам кораблик под белыми парусами, а на его палубе в мешках и сундуках блистали драгоценные камни и монеты. Вышивку велено было повесить в хижине так, чтобы кораблик как бы вплывал в двери, а назавтра снова приходиться к морю на закате.

Весь следующий день девушка провела, сидя на пороге хижины и склонившись над вышивкой. За работой она приговаривала своей иголке: «Шей, шей, мне счастливую долю вышивай! Стежок за стежком, денек за деньком. Да будет так». И усердно считала стежки, как велела ей Аукара. Ведь для добра они должны быть четными на каждом рисунке, и только для зла — нечетное количество раз. Проворно сновала игла целый день, стежок за стежком — сотни стежков и все с думкой о своем ненаглядном. Несколько раз девушка до крови укололась иголкой, но не расстроилась, а даже обрадовалась — теперь-то она знала, что это означает лишь то, что и суженый тоже думает о ней.

Но вот девушка сделала последний стежок, повесила на стенку хижины готовую вышивку и, пританцовывая, побежала к вечернему морю. А за нею поспевали две закадычные подружки, которые застали ее за необычным занятием и не успокоились до

тех пор, пока все не вывели. Девушкам очень хотелось хоть одним глазком взглянуть на Аукару, но, выбежав на берег моря, обе застыли в немом изумлении.

К каменистому берегу только что причалил иноземный корабль под белыми парусами, а матросами, сгружающими на берег бесчисленные сундуки с добром и мешки с деньгами, распорядился не кто иной, как жених их подруги! Влюбленные встретилась глазами — и без памяти от радости кинулись друг другу в объятия. А из-под сени тростника за происходящим наблюдала Аукара, по-прежнему с легкой грустинкой в глазах.

Едва завидев волшебницу, подружки кинулись к ней с мольбами и просьбами, ибо кто только ни нуждается в помощи и сочувствии. У родителей одной из них недавно от удара молнии дотла сгорела хижина, и этому семейству совершенно негде было преклонить голову. Эта девушка получила от Аукары лоскут от другого рукава волшебного одеяния, на котором был изображен хорошенький домик.

А вторая подружка, как увидела счастливую встречу с женихом, стала просить Аукару о том, чтобы та помогла ей обрести суженого, ибо парни сторонились ее по причине взбалмошного характера. Этой ветренице Аукара посоветовала вышить большую картину с алыми пионами. Как известно, вышитые собственноручно пионы очень способствуют счастливому замужеству (даже если вы весьма взбалмошная особа). Увы, вместе с пионами Аукара лишилась своей чудесной накидки, сияющей всем оттенками пурпура, на которой они были изображены.

И этим новообращенным вышивальщицам Аукара объяснила, как надо создавать свои живые линии, как выбирать и переплетать благоприятные нити судьбы. Она сказала: «Каждая мать впредь будет учить своих дочерей этому искусству, передавая это знание из поколения в поколение. Эти рисунки принесут здоровье, счастье и успех в жизнь племени. Они будут защищать вас и привлекать удачу».

Тем временем слухи о чудесах, творящихся на берегу, донеслись до мирно готовящегося ко сну племени. И люди, оставив свои лежанки, бросились бежать к морю, а некоторые женщины даже захватили с собой ножницы, чтобы наверняка добыть самые красивые, самые волшебные рисунки с платья чаровницы.

И вот уже, под напором галдящей толпы растерянная Аукара медленно пятится к морю, а женщины тем временем просят, вырезают и вырывают куски ее прекрасного платья. Кому-то достались рисунки журавлей, аистов и цапель — к хорошему здоровью; другим — по парочке разных животных, птиц или бабочек, которые, по вышивальным

приметам, помогают обрести свою вторую половинку. Некоторым (правда, очень не многим) достались символы богатства — рыбки (восемь черных и одна золотая) или жаба с золотой монеткой во рту. Были там и милые ангелочки — это для тех, кто мечтает о детишках. И много еще чего было на том белоснежном одеянии, в том числе и рисунки, которые не сулили вышивальщицам ничего хорошего. В суете разобрали и их тоже, но... не будем сейчас о грустном.

А что же Аукара? По-прежнему медленно отступала она к воде, одновременно желая помочь страждущим и поделиться чудесными рисунками и жалея в то же время свое безнадежно испорченное волшебное одеяние. Но как только под нетерпеливыми руками женщин, дергающими за подол платья, обнажились вдруг ее ноги... О нет, пораженным взорам толпы открылся русалочий хвост вместо ног!

В страхе завизжали женщины и разбежались кто куда, а Аукара, горестно вскрикнув, навсегда скрылась в море. И никто так и не узнал, что ей, заколдованной злой прорицательницей, совсем недолго уже оставалось ходить в обличье русалки. Только сегодняшний вечер, когда никто не должен был видеть ее русалочьего хвоста до заката солнца ...

С тех пор вот уже тысячи лет рукодельницы по всему миру не устают вышивать те волшебные рисунки (уже позабыв, откуда они взялись и что обозначают). Ими украшают свои жилища — неважно, бедная ли это рыбацкая хижина или роскошный особняк, их дарят во множестве своим друзьям, близким и любимым.

А молодые девушки из Прибрежного племени по-прежнему любят собираться на морском берегу под сенью тростника — ближе к вечеру, когда спадает летний зной. Там хорошо вышивается, разве что иногда отвлекают от работы птички. Ничего, казалось бы, особенного, ничего ошеломляющего, а вот, поди ж ты, берет за душу. Когда защебечут вдруг пичужки что-то смутно знакомое, зашумит волна или, ни с того ни с сего, протяжно засвистит, застонет тростник — Аукара-а-а...